

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2025-7-2-33-50>

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЙНОЙ СФЕРЫ ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИИ В РОССИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Е.Д. Кузнецова

МГИМО МИД России

(Москва, Россия)

riol4032014@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается эволюция ключевых терминологических единиц понятийного аппарата современной лингвоперсонологии в русско- и немецкоязычном научном дискурсе. Основу исследования составляет теоретический анализ наиболее значимых научных работ отечественных и зарубежных ученых с целью выявления базовых терминов дисциплины, их вариативности и тенденций развития. Особое внимание уделено диахроническому аспекту анализа терминологических единиц, необходимому для установления динамики изменений понятийного аппарата. В ходе работы выявлено процентное соотношение наиболее употребляемых терминов, что позволило количественно охарактеризовать их актуальность и востребованность в научном сообществе. При изучении теоретической литературы отечественных и зарубежных ученых применялся качественный и количественный контент-анализ с последующим статистическим анализом и отражением его результатов в виде графиков и диаграмм, иллюстрирующих процессы формирования, становления и трансформации терминологической базы лингвоперсонологии. Качественный контент-анализ позволил выявить ключевые термины, количественный – определить частотность их употребления. В статистику включены 4900 публикаций (из них 4505 на русском языке и 395 на немецком языке), отобранные методом контролируемого поиска по ключевым словам. Значительное расхождение в количестве научных работ объясняется разным соотношением публикаций по лингвоперсонологии в русско- и немецкоязычном научном дискурсе. Результаты исследования указывают на неоднородность терминологического аппарата современной лингвоперсонологии, вызванную множеством исследовательских подходов и методологических установок, а также стремлением ученых к терминологическому словотворчеству. Акценты в научных трудах отечественных и зарубежных авторов расставляются не идентично, отмечается разная степень интереса к вопросам поли- и билингвизма, языковой интеграции, установления динамики языковой идентичности, теории социально-речевого портретирования и языковой личности, что обосновывает различное смысловое наполнение ключевых понятий в русско- и немецкоязычном научном дискурсе и их недифференцированное употребление. Проведенный сопоставительный анализ терминов способствует углубленному пониманию современного состояния лингвоперсонологии и может быть полезен для дальнейшей разработки критериев систематизации и уточнения отдельных единиц терминологической системы дисциплины.

Ключевые слова: лингвоперсонология, терминология, языковая личность, речевой портрет, лингвокультурный типаж, языковая идентичность, сопоставительный анализ.

Для цитирования: Кузнецова, Е.Д. (2025). Эволюция понятийной сферы лингвоперсонологии в российском и немецком научном дискурсе. *Дискурс профессиональной коммуникации*, 7(2), 33–50. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2025-7-2-33-50>

1. ВВЕДЕНИЕ

Современной науке о языке свойственна междисциплинарность и полипарадигмальность, характеризующиеся быстрыми сменами лингвистических парадигм, сосуществованием множества различных трактовок языковых явлений, результатом которых становится перманентно меняющийся образ языка. В текущей гносеологической ситуации возникают интенсивные контакты лингвистики с другими областями знания и социальной жизни человека, происходит развертывание новых научных дисциплин, сфокусированных на изучении человеческого фактора в языке (Постовалова, 2017, с. 18). К таким междисциплинарным исследовательским направлениям, основанным на антропоцентрическом подходе к языку, стоит отнести лингвоперсонологию, возникшую около тридцати лет назад в российском языкознании. Ее стремительное развитие отражается в первую очередь в динамичном обновлении терминологического состава новыми понятийными единицами, лингвоперсонология «активно расширяет границы собственных практических изысканий, что закономерно ведет к углублению ее теоретической базы и формированию собственной терминосистемы» (Чудинов, 2017, с. 26). Подобные тенденции, с одной стороны, свидетельствуют о естественной и органичной эволюции относительно молодой научной дисциплины, привлекающей все большее внимание исследователей, с другой, создают терминологическую избыточность и неоднородность, приводят к подмене понятий и недифференцированному употреблению различных терминов в идентичных контекстах научного дискурса. Данные негативные тренды обусловлены концептуальными различиями в трактовках базовых понятий представителями различных научных школ, разнообразием исследовательских подходов и методологических установок, а также стремлением ученых адаптировать понятийный аппарат к конкретным задачам отдельных проектов.

Значительные расхождения в терминологической системе современной лингвоперсонологии и отсутствие единства в понимании ключевых понятий существенно затрудняют научный диалог, препятствуют потенциальному приращению знания и общему теоретико-методологическому развитию дисциплины. Как следствие, возникает потребность в уточнении и систематизации используемых в научном дискурсе терминов, что и стало целью данной статьи.

2. МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

При изучении теоретической литературы отечественных и зарубежных ученых применялся качественный и количественный контент-анализ с последующим статистическим анализом и отражением его результатов в виде графиков и диаграмм. Качественный контент-анализ позволил выявить ключевые термины, количественный – определить частотность

их употребления. Графики наглядно демонстрируют динамику развития терминологии, отражая как позитивные, так и негативные тренды функционирования определенных понятийных единиц, отмечают точки возникновения, роста и падения интереса исследователей. Диаграммы выражают процентное соотношение терминов в актуальный период, что делает возможным провести параллели между признанием термина в научных кругах и доминирующей исследовательской позицией. При отборе учитывались лишь те публикации, название которых содержало следующие понятия: языковая (коммуникативная, дискурсивная, риторическая) личность, речевой (языковой, коммуникативный, социолингвистический) портрет, лингвокультурный типаж, лингвоперсона, речевой паспорт, идиолект – в русскоязычном дискурсе; *Sprachrepertoire*, *Sprachbiographie*, *Spracherleben*, *Sprachidentität*, *Sprachporträt* – в немецкоязычном дискурсе. Согласно методологическим требованиям построения исследования, название, как правило, соответствует предмету исследования. Таким образом, включенные в названия публикаций единицы выступают ключевым компонентом работы.

Основанием для построения графиков стали статистические данные, полученные из электронной библиографической базы *eLibrary*, интегрированной с Российским индексом научного цитирования, а также крупнейшего европейского репозитория научной литературы на иностранных языках *BASE (Bielefeld Academic Search Engine)*. В статистику включены 4900 публикаций (из них 4505 на русском языке и 395 на немецком языке), отобранные методом контролируемого поиска по ключевым словам, а также по данным тематического классификатора Дьюи (*Dewey Decimal Classification*). Этот инструмент привлекался для отбора только немецкоязычных научных статей как средство фильтра, чтобы избежать включения в статистику нерелевантных материалов. Например, если термин «*Sprachporträt*» фигурирует в статье про индустрию развлечений (публика: *sport, games, entertainment*), она не включается в анализ. Значительное расхождение в количестве научных работ объясняется разным соотношением публикаций по интересующей нас тематике в русско- и немецкоязычном научном дискурсе. В зарубежном исследовательском сообществе отсутствует полный аналог отечественной дисциплины «лингвоперсоналогия», а существующие научные работы, посвященные изучению личности с позиции языка, составляют весьма небольшой процент от общего числа публикаций. Для хронологического представления динамики терминологии был выбран период с 1985 по 2025 гг. (от первого упоминания терминов до настоящего времени). Весь период разбит на временные интервалы по пять лет, что обусловлено достижением большей наглядности при демонстрации диахронического развития основных терминов дисциплины и их точной временной локализации относительно друг друга. Представленные иллюстративные материалы интегрированы в текст статьи и пронумерованы.

2.1. Ограничения исследования

Изучение понятийной сферы современной лингвоперсоналогии, основанное на отборе публикаций по избранным ключевым словам, содержащимся в названии научных работ, не претендует на всеохватывающий характер, однако позволяет выявить основные тенденции в личностно-ориентированных лингвистических исследованиях российского и немецкого научного дискурса.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Выдвижение человека в фокус исследовательского внимания обусловлено антропоцентрическим поворотом в лингвистике на рубеже XX-XXI вв. и интересом ученых к многогранной реализации языковой личности. Смена лингвистических парадигм сопровождалась расширением круга вопросов о том, «как человек воздействует на используемый им язык, какова мера его возможного влияния на него, какие участки открыты для его лингвокреативной деятельности и вообще зависят от «человеческого фактора»» (Кубрякова, 1995, с. 215). Само понятие «языковая личность» впервые появляется в научном обороте еще в 30-е годы XX в. одновременно в работах Й.Л. Вайсгербера (1927) и В.В. Виноградова (1930). Тем не менее данное словоупотребление еще не носит строго терминологического характера, так как оно не получает в трудах упомянутых ученых точного определения или подробного толкования. Лишь полвека спустя в отечественной русистике появились первые научные дефиниции рассматриваемого термина. Наиболее хрестоматийным становится определение «языковой личности», предложенное Ю.Н. Карауловым: «...языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» (Караулов, 1987, с. 38). Ученый описывает трехуровневую структуру языковой личности, включающую вербально-семантический, лингвокогнитивный (тезаурусный) и мотивационный уровни. В то же время советский лингвист В.П. Нерознак представляет научному сообществу «лингвоперсонологию» как новую область лингвистических исследований, обозначая предметом ее изучения – языковую личность (Нерознак, 1996).

Согласно разработанным теоретическим концепциям, «за каждым текстом стоит языковая личность». Эту идею поддерживают и следующие поколения ученых, считающие, что описание языковой личности осуществляется на материале созданных ею речевых произведений – антропотекстов (Голев, 2005). На наш взгляд, термин «антропотекст» только сегодня обретает особый смысл, противопоставляя вербальные репрезентации языковой личности человека – «искусственным» текстам, написанным нейросетями. Принимая во внимание текущие лингвистические тренды, актуальные лингвоперсонологические исследования посвящены, например, изучению «виртуальной языковой личности» в цифровом пространстве (Ахренова, 2022), выявлению языковой личности переводчика в целевом тексте (Уланова, 2023), идентификации языковой личности в анонимном тексте, в том числе при помощи современного программного обеспечения (Напреенко, 2024).

Трехуровневой схемы анализа языковой личности Ю.Н. Караулова в различных ее интерпретациях долгие годы придерживались отечественные ученые-лингвисты, а само понятие «языковая личность» приобрело статус оперативного научного термина и стало ключевой метаязыковой единицей лингвоперсонологического анализа. Значение понятия «языковая личность» трудно переоценить, а представленный ниже график демонстрирует ежегодный прирост научных публикаций, посвященных различным аспектам изучения языковой личности (см. Рис. 1). Пик публикационной активности авторов приходится на период с 2015 по 2020 гг., когда число научных работ, в названиях которых встречается рассматриваемый термин, достигло 852. Однако последующий период (с 2020 по 2025 гг.) характеризуется резким спадом интереса (минус 224 публикации).

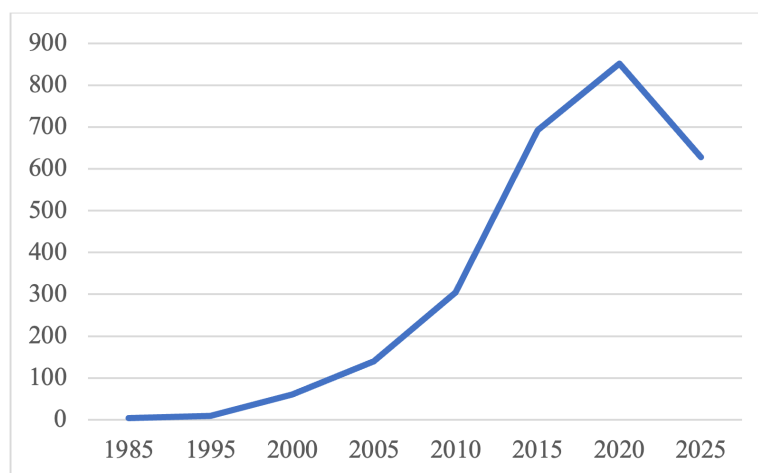

Рис. 1. Частотность употребления термина «языковая личность» в русскоязычном научном дискурсе

В настоящее время в лингвоперсонологии существуют различные подходы к определению объема и содержания понятия «языковая личность». В зависимости от задач конкретной работы встречаются «аспектуальные» термины: *(эмоционально)-коммуникативная личность* (В.В. Красных, Д.С. Мухортов, И.А. Стернин), *риторическая личность* (Л.Н. Колесникова, А.А. Мурашов), *(когнитивно)-дискурсивная личность* (О.А. Михайлова, Л.Н. Синельникова). В самом широком смысле языковую личность представляется возможным трактовать как «теоретически выводимый в опоре на лингвистические процедуры конструкт», некий инвариант, абстракцию от разнообразных вариантов реализации в различных дискурсивных условиях (Гришаева, 2006, с. 17). Тем самым каждый из приведенных выше конкретизирующих терминов раскрывает новый аспект инварианта языковой личности. При этом стоит отметить их неравномерную частотность употребления в текстах научных работ (см. Рис. 2). Первым в терминологическом обращении появляется понятие «коммуникативная личность» (2000 г.), пятью годами позже другие «аспектуальные» термины. Наибольшим ростом характеризуется понятие «дискурсивная личность»: в 2005-2010 гг. отмечается всего 5 публикаций, содержащих термин в названии, а в 2015-2020 гг. уже 28, что говорит о приросте в 5,5 раз. Для сравнения количество упоминаний термина «коммуникативная личность» увеличилось за указанный период лишь в 1,5 раза. Динамика понятия «риторическая личность» – скачкообразна, в текущий период демонстрирует негативный тренд, на что указывает кривая графика.

Обновление терминологического аппарата и наблюдаемый в последние несколько лет спад количества публикаций по общей теории языковой личности, вероятно, связан с окончанием эпохи лингвистических исследований в отрыве от коммуникативных и дискурсивных аспектов реализации человеческого фактора в языке. Актуальные исследования в области лингвоперсонологии проводятся преимущественно в рамках когнитивно-дискурсивной или функционально-коммуникативной парадигмы, что определяет терминологические предпочтения авторов и смещение исследовательских акцентов в сторону более конкретных аспектов изучения языковой личности. Некоторые исследователи констатируют потерю термином «эвристического заряда» или даже выражают скепсис в отношении его правомерности – любая личность априори выступает языковой, так как она формируется в процессе

воспитания и социализации человека, «безъязыковая» личность невозможна, а значит термин в некоторой степени избыточен (Богомолова, 2024). Современные лингвисты все чаще прибегают в научных работах к оперированию альтернативными понятиями, такими как «лингвокультурный типаж» или «речевой портрет».

Рис. 2. Частотность употребления «аспектуальных терминов» в русскоязычном научном дискурсе

3.1. Лингвокультурный типаж vs. речевой портрет

Термин «лингвокультурный типаж» вводят в научный обиход представители Волгоградской лингвистической школы (В.И. Карасик, О.А. Дмитриева, Е.А. Ярмахова), отталкиваясь от «типажа» как некоего шаблона поведения, включающего определенные речевые характеристики и соотносимого с известными в конкретном лингвокультурном сообществе личностями. Так, лингвокультурным типажом обозначается «узнаваемый образ представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» (Карасик, 2007, с. 88). По определению исследователей, лингвокультурный типаж выступает абстрактным ментальным образованием и в исследовательском отношении представляет собой скорее разновидность концепта, содержанием которого является типизируемая личность. Тем самым лингвокультурный типаж представляет собой единицу высокого уровня обобщения, схематично изображающую представителей определенных этносоциальных групп в познавательном и ценностном аспектах, что в дальнейшем дает возможность их упрощенной или карикатурной репрезентации (Гуляева, 2011, с. 184).

Термин «лингвокультурный типаж» взаимодействует с другими смежными понятиями, характеризующими «человека говорящего» сквозь призму его речевого поведения. Среди них следует отметить «персонаж», «амплуа», «речевая маска», «стереотип», «имидж». Однако, в отличие от «стереотипа» или «персонажа», употребляемых преимущественно в исследованиях в области литературоведения, лингвокультурный типаж привязан к существующей или существовавшей в прошлом реальной личности, а в сравнении с «маской» или «имиджем», служащих инструментом намеренного формирования общественного мнения, типаж возникает бессознательно и стихийно в результате развития лингвокультурного сообщества (Дмитриева, Карасик 2005, с. 20).

Одной из самых употребительных терминологических единиц в понятийной системе современной лингвоперсонологии выступает «речевой портрет». Термин «портрет» заимствован из французского языка, где глагол «*peindre*» ранее означал «воспроизводить что-либо черта в черту», в широком смысле слова обозначает «изображение или описание какого-либо человека, группы людей, существующих или существовавших в реальной действительности, в том числе художественными средствами» (Фасмер, 2007).

В связи с явным метафорическим потенциалом понятия «портрет», позволяющим различные исследовательские интерпретации, появилось большое количество вариативных терминов, зачастую дублирующих друг друга или представляющих различные аспекты реализации исходного понятия: речевой, языковой, коммуникативный или социолингвистический портрет. Довольно размытой представляется грань в трактовке данных понятий, так как пока не существует общепринятых нормативов употребления, а термины в большинстве своем не систематизированы. Вместе с тем исследователи не отрицают того факта, что портрет в целом – явление собирательное и многогранное, для объективного охвата различных сторон портретируемой личности и были выделены «аспектуальные» термины. Коммуникативный портрет, например, наиболее близко соприкасается с прагматикой, акцентируя коммуникативные стратегии и тактики говорящего, его коммуникативные потребности и компетенции, а социолингвистический портрет основан на социальной идентичности личности, идущей от проблем принадлежности к социуму, культуре, субкультуре.

Одними из первых к исследованию речевого портрета обратились отечественные ученые М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова, составившие русский речевой портрет. Однако основной акцент был сделан на описании произносительных предпочтений говорящего и вариативности орфоэпических норм (Китайгородская, Розанова, 1995). Вопросами речевого портретирования в различных аспектах сегодня занимаются и другие видные представители научных школ лингвоперсонологии: Уральской школы политической лингвистики (А.П. Чудинов, Н.Б. Руженцова, Е.А. Нахимова, М.В. Никифорова), Сибирской школы лингвоперсонологии (Н.Д. Голев, Е.Н. Татаринцева, Е.В. Иванцова), Волгоградской лингвистической школы (В.И. Карасик, О.А. Дмитриева, И.В. Гуляева, Е.В. Ярмахова). При определении речевого портрета ученые часто обращаются к дефиниции, предложенной Г.Г. Матвеевой: «речевой портрет есть набор речевых предпочтений говорящего в конкретных обстоятельствах для актуализации определенных намерений и стратегий воздействия на слушающего» (Матвеева, 1993, с. 14).

Несмотря на параллельный рост количества упоминаний альтернативных терминов «речевой портрет» и «лингвокультурный типаж», бóльшим признанием в научном сообществе пользуется понятие «речевой портрет», что наглядно демонстрирует представленный ниже график (см. Рис. 3). Термин «речевой портрет» показывает уверенный рост на каждом временном отрезке длиной в пять лет, а понятие «лингвокультурный типаж» по частоте употребления довольно быстро выходит на плато. Совокупное число научных работ с упоминанием речевого портрета, изданных за весь период, почти вдвое превышает количество работ, посвященных изучению лингвокультурного типажа: 683 публикации против 355. Заданный тренд объясняется большей продуктивностью термина и его методологической пригодностью для широкого круга исследований. «Речевой портрет» предстает более универсальным понятием в силу его потенциала выступать маркером как индивидуальной, так и коллективной личности, а также отражать характеристики как конкретного, реально существующего человека, так и некоего абстрактного виртуального героя, например, одного из действующих лиц литературного произведения.

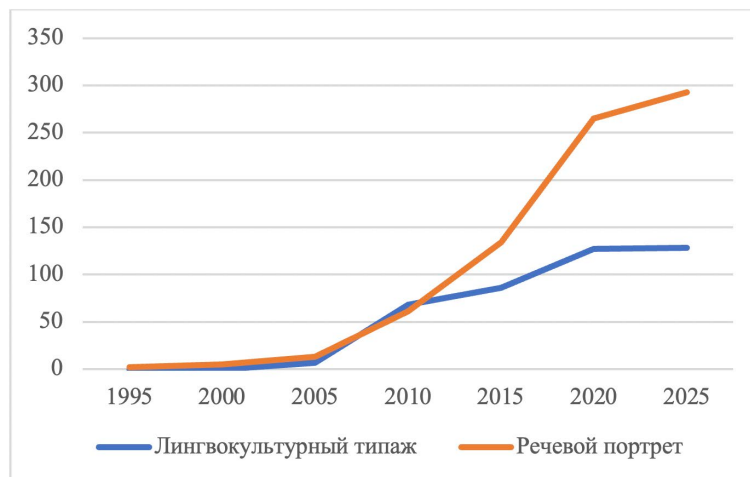

Рис. 3. Частотность употребления терминов «речевой портрет» и «лингвокультурный типаж» в русскоязычном научном дискурсе

В научных работах по лингвоперсонологии наряду с упомянутыми ранее понятиями встречаются такие терминологические единицы, как «речевой паспорт» (В.И. Карасик), «идиолект» (В.А. Виноградов), лингвоперсона (А.Б. Алексеев). Для визуализации терминологических отношений нами были построены диаграммы, выражающие процентное соотношение между терминологическими инвариантами «личность» и «портрет», включающими все конкретизирующие понятия, с другими наиболее частотными терминами рассматриваемой дисциплины. В дополнение была установлена внутренняя корреляция между «аспектуальными» терминами в рамках каждой группы (см. Рис. 4).

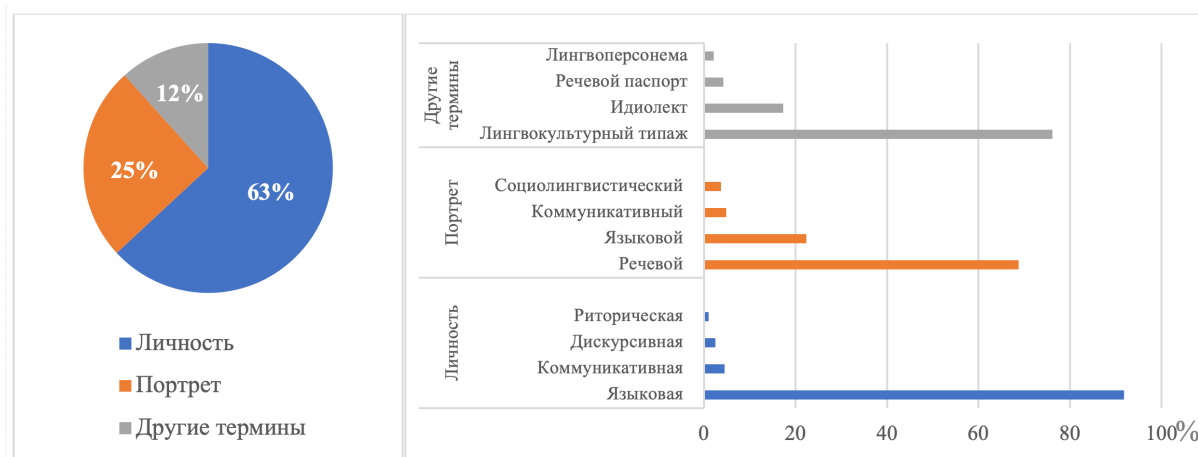

Рис. 4. Процентное соотношение «аспектуальных терминов» в русскоязычном научном дискурсе

Из представленной диаграммы становится очевидной доминирующая позиция термина «языковая личность» и его конкретизирующих понятий (63% от общего числа употреблений терминов). Языковая личность, избранная первоначальным объектом лингвоперсонологических исследований, находится, с нашей точки зрения, в гиперо-гипонимических

отношениях с другими терминами научной дисциплины, используемыми для описания феномена «человека говорящего», и выступает родовым понятием по отношению к множественным «аспектуальным» терминам.

3.2. Структура терминологии в немецкоязычном научном дискурсе

Для формирования полноценной картины об актуальном состоянии и специфике терминологического аппарата современной лингвоперсонологии необходимо провести параллели с научными работами иностранных авторов и установить соотношение между терминами в российском и немецком научном дискурсе. Анализ литературы показал, что в зарубежном научном сообществе нет прямого аналога дисциплины «лингвоперсонология» как самостоятельного исследовательского направления. Однако, в 80-е годы XX в. западная научная мысль также переживает значительные изменения, вызванные переходом к новой антропоцентрической парадигме знания и переосмыслением роли языка в жизни человека. В социогуманитарных науках все большее значение приобретает изучение личности человека и ее влияния на восприятие действительности, социальное поведение и процессы принятия решений, характер коммуникации и выбора языковых средств, что подчеркивает тенденцию постепенного перехода к междисциплинарности лингвистических исследований. Общее направление изучения личности получило в немецкоязычном дискурсе лаконичное наименование «*Persönlichkeitsforschung*», а сам личностно-ориентированный подход обозначается в научных публикациях как «*der personenbezogene Ansatz der sozialwissenschaftlichen Forschung*».

Интерес зарубежных ученых к изучению человеческого фактора в языке выражен в ряде смежных научных направлений. Так, под влиянием провозглашенного М. Крейсвортом (1992) «нарративного поворота» (англ. *narrative turn*) в фокус прикладной лингвистики попадает человек и его языковая история, что определяет появление исследовательского направления языковой биографии личности (нем. *Sprachbiographische Untersuchungen, Sprachbiografik*). Основными терминологическими единицами дисциплины выступают следующие понятия: языковой портрет (*Sprachenportrait / Sprachporträt*), языковой репертуар (*Sprachrepertoire*), языковая биография (*Sprachbiographie*). В англоязычном научном дискурсе используются терминологические обозначения «*language portrayals*», «*language profiles*», «*language diaries and journals*», «*language biographies and autobiographies*», «*language memories*» (Pavlenko, 2007). При этом необходимо отметить, что понятия, встречающиеся в публикациях иностранных авторов, часто не соответствуют терминам русскоязычного научного дискурса, применяемым в работах по лингвоперсонологии, а идентичная внешняя форма слов оказывается обманчивой, препятствуя верной идентификации терминов и стоящих за ними лингвистических явлений. Например, понятие «*Sprachenportrait*» трактуется как способ визуализации языкового опыта многоязычного человека. Данную методику впервые описал немецкий ученый Х. Крум, предложив участникам эксперимента заполнить изображенный силуэт человека различными цветами, ассоциированными с определенными языками, и локализовать их согласно собственным ощущениям (Krumm, 2001). Подобные портреты позволяют исследователям установить индивидуальные стратегии усвоения языка в эмоционально-функциональном аспекте и выявить скрытые проблемы в процессе языковой интеграции (Seel, 2020). Позже данную метафорико-символическую функцию установления языковой идентичности описала в своих работах Б. Буш, дополнив теорию понятием «языкового переживания» (*Spracherleben*) (Busch, 2018).

Принципиально иное смысловое наполнение термина «портрет» можно увидеть при изучении немецкоязычных работ в области диалектологии или лингвистической типологии, где совокупность основных структурных характеристик языка и наблюдаемых закономерностей метафорически именуется его собирательным портретом, необходимым для дальнейшей классификации или картирования языков. Примеры подобного терминологического употребления: 1) *Das Deutsche: auf dem Weg zu einem Sprachporträt* (Немецкий язык: на пути к языковому портрету), 2) *Stadtberndeutsch. Sprachporträts aus der Stadt Bern* (Языковые портреты города Берн), 3) *Sprachporträt Katalanisch* (Языковой портрет: каталанский) и др.

Центральный для лингвоперсонологии термин «языковая личность», несмотря на высокую частотность употребления в научных трудах отечественных ученых, не был полноправно принят зарубежным исследовательским сообществом. Поиск по международным базам данных «ScienceDirect» и «Semantic Scholar» показал, что понятие «языковая личность» в переводной кальке «*Sprachpersönlichkeit*» встречается исключительно в работах русскоязычных авторов (см. напр. (Kostomarov, 2014; Bagirova, 2024)). Кроме того, авторитетный корпус немецкоязычной научной литературы Института немецкого языка им. Лейбница (*Institut für Deutsche Sprache*) вовсе демонстрирует отсутствие каких-либо публикаций, содержащих лексический компонент «*Sprachpersönlichkeit*». Отдельные словоупотребления данного понятия зафиксированы в немецкоязычном рекламном дискурсе как окказиональный элемент для привлечения внимания к различного рода курсам, в том числе по ораторскому мастерству (*Sprachpersönlichkeit-Training*) (König, n.d.). Таким образом, термины «языковая личность» и «*Sprachpersönlichkeit*» обладают различным ассоциативным потенциалом и находятся в логических отношениях подчинения, так как исходное понятие русского языка характеризуется большей семантической широтой.

Наиболее равнозначным с рассматриваемых позиций логико-семантических отношений выступает термин «языковая идентичность», в англо- и немецкоязычном научном дискурсе «*linguistic identity*» и «*Sprachidentität*» соответственно. Немецкий ученый Г. Цифонун в своей статье «В поисках идентичности» пишет, что в современных социогуманитарных науках понятие «идентичность» стало возможным причислить к так называемым «пластиковым словам», характеризующимся плюрализмом трактовок и затемненным значением, с трудом поддающимся однозначной интерпретации в рамках конкретного контекста. Исследователь отмечает, что идентичность может быть как коллективной (*Wir-Perspektive*), так и индивидуальной (*Ich-als-Objekt (das Selbst)*), подразделяться на внешнюю и внутреннюю (*äußere und innere Identität*), языковую, национальную или личную идентичность (*sprachliche, nationale, persönliche Identität*). Ссылаясь на дефиниции термина в философских трудах, а также на определения аналогичного слова (англ. *identity* / фр. *identité*) в словарях английского и французского языков, исследователь подчеркивает, что идентичность есть «самость» человека в определенных обстоятельствах и в конкретный период времени, его индивидуальность (*Individualität*) и личность (*Persönlichkeit*) (Zifonun, 2002). Тем самым, в контексте социолингвистических исследований, где языковая идентичность помогает исследователю ответить на вопрос, какую функцию выполняют избранные человеком языковые средства в данной социальной ситуации, языковая идентичность сближается с понятием языковой личности в трактовке отечественных исследователей. Поэтому в большинстве случаев наиболее точным и полным относительно объема исходного понятия будет выступать вариант «*Sprachidentität*» (вариативно: «*sprachliche Identität*»).

Обзор научных работ зарубежных авторов позволил выявить основные термины личностно-ориентированных исследовательских направлений. В немецкоязычном дискурсе, в частности, к ним относятся такие термины, как «Sprachbiographie» (языковая биография), «Spracherleben» (языковое переживание), «Sprachporträt» (языковой портрет), «Sprachrepertoire» (языковой репертуар), «Sprachidentität» (языковая идентичность). На единых методологических основаниях, как и в случае с терминами отечественной лингвоперсонологии, были построены графики, отражающие отношения данных терминов в научных работах зарубежных ученых и демонстрирующие динамику их развития в диахронии (см. Рис. 5; Рис. 6). Источником данных послужил один из крупнейших репозиториях научной литературы европейских авторов BASE (Bielefeld Academic Search Engine), содержащий более 420 миллионов публикаций. В статистику были включены 395 научных работ на немецком языке, посвященных различным аспектам актуализации личности в языке.

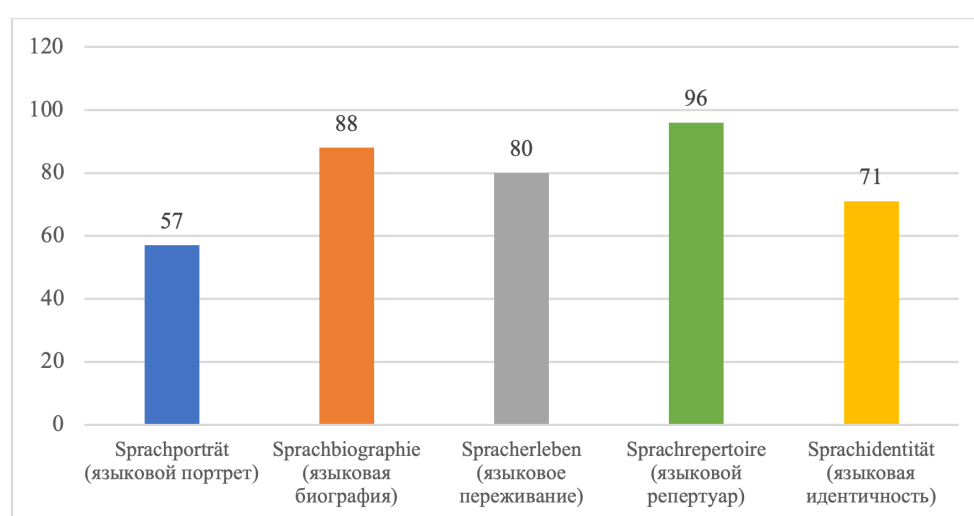

Рис. 5. Количественное соотношение терминов немецкоязычного научного дискурса

Представленная выше диаграмма демонстрирует отсутствие терминологической неоднородности в немецкоязычном научном дискурсе (см. Рис. 5). Термины характеризуются примерно идентичной частотностью употребления в публикациях зарубежных ученых: «Sprachrepertoire» (языковой репертуар) (96), «Sprachbiographie» (языковая биография) (88), «Spracherleben» (языковое переживание) (80), «Sprachidentität» (языковая идентичность) (71), «Sprachporträt» (языковой портрет) (57). Как показал обзор научных работ, понятия относительно четко разграничены друг от друга и закреплены за конкретной исследовательской областью, что помогает избежать терминологической путаницы. Исключение может составить лишь калькированный термин «Sprachporträt» (языковой портрет), который встречается как в работах по литературоведению, сравнительной лингвистике, типологии, миграционной лингвистике и многоязычию, что, на наш взгляд, можно обосновать его многократным заимствованием из трудов представителей зарубежных научных школ с отличающимися исследовательскими традициями. Предложенную гипотезу подтверждает функционирование термина в статьях на немецком языке в различных вариациях написания (прямой перевод, ассимилированная форма, сохранение французской внешней формы слова и др.).

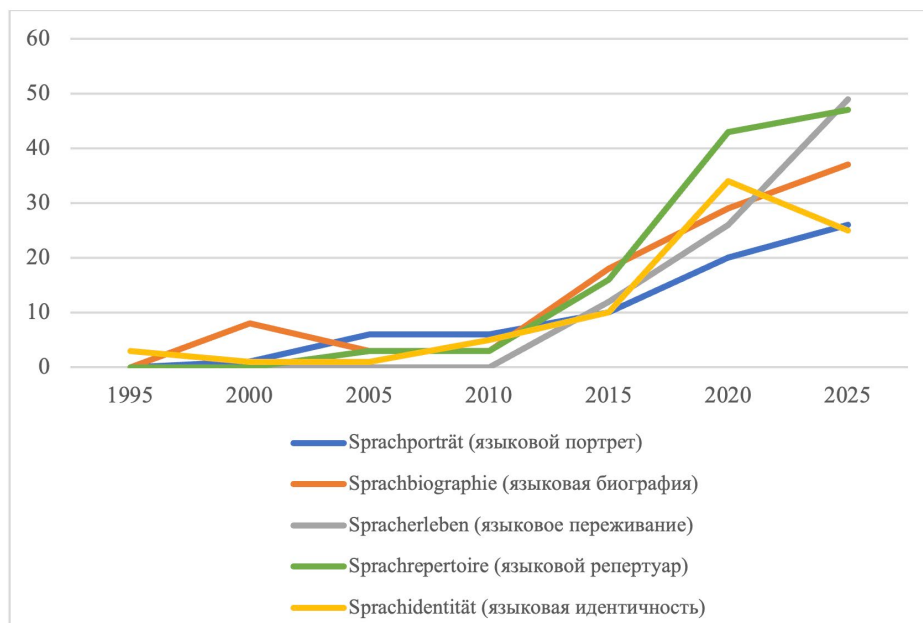

Рис. 6. Развитие немецкоязычных терминов в диахронии

При изучении динамики терминов в диахронии стоит также подчеркнуть их идентичную скорость развития относительно друг друга (см. Рис. 6). График показывает, одними из первых в научном обращении зарубежных авторов появились термины «Sprachbiographie» и «Sprachidentität» (впервые встречаются в 1995 г.), что обусловлено так называемым «нарративным поворотом» и общим стремлением ученых к междисциплинарности, например, к рассмотрению социальной и гендерной идентичности человека сквозь призму его языка, что и позволило говорить о языковой идентичности личности. Особенно показательным является период с 2010 года, когда количество упоминаний рассматриваемых терминов поднялось с практически нулевых показателей в среднем до 35-45. Самым резким всплеском интереса ученых в 2015-2020 гг., отразившимся в количестве упоминаний термина в научных работах, отличается понятие «Sprachidentität» (языковая идентичность). Отмечаемый семикратный рост (с 5 до 35 научных работ в рассматриваемый период) определяется экстралингвистическими факторами, а именно миграционным кризисом в Европе, в частности в Германии, что направило внимание исследователей на проблемы языковой интеграции и языкового самопозиционирования, для выражения которого активно применялся данный термин. Однако открытым остается вопрос о причинах наблюдаемого в последние несколько лет спада в употреблении термина, что может стать темой отдельного исследования.

На основании графиков сделан вывод о постепенном росте числа упоминаний терминов после их представления научному сообществу, что отражает высокую степень преемственности и согласованности терминологического употребления в немецкоязычном научном сообществе. Перспектива развития темы, на наш взгляд, состоит в развернутом анализе личностно-ориентированных подходов в смежных областях немецкоязычной лингвистики.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог проведенного сопоставительного анализа терминологической системы современной лингвоперсонологии в русско- и немецкоязычном научном дискурсе, стоит отметить высокий интерес к феномену «человека в языке» как отечественных, так и зарубежных исследователей, вызванный общим антропоцентрическим поворотом в социогуманитарных науках. Все большее значение для ученых стал приобретать личностно-ориентированный подход (нем. *sprecher*innenzentrierte Zugänge*, англ. *personality approaches to studying language*), что отражается в формировании новых самостоятельных лингвистических направлений, таких как лингвоперсонология или языковая биография (нем. *Sprachbiographische Untersuchungen*). Однако в силу различия исследовательских традиций, обусловленных в том числе экстралингвистическими факторами (особенности языковой политики Европейского союза, миграционные кризисы и др.), акценты в научных трудах отечественных и зарубежных ученых расставляются не идентично, отмечается разная степень интереса к вопросам поли- и билингвизма, языковой интеграции, установления динамики языковой идентичности, теории социально-речевого портретирования и языковой личности. Данный факт объясняет различное смысловое наполнение ключевых понятий в российском и зарубежном научном дискурсе, что приводит к значительным терминологическим расхождениям, недифференцированному употреблению терминов или их множественному заимствованию. Кроме того, одной из характерных особенностей современной лингвоперсонологии выступает терминологическое словотворчество представителей различных школ и направлений, стремящихся рассмотреть «человека в языке» с разнообразных методологических позиций: когнитивных, лингвокультурных, психолингвистических, дискурсивных. Так, наиболее универсальные и употребительные в русскоязычном научном сообществе термины «языковая личность» и «речевой портрет» дополняются новыми конкретизирующими понятиями. В зависимости от избранной методологии исследования в текстах научных работ встречаются «аспектуальные» термины: «коммуникативная личность», «дискурсивная личность», «риторическая личность», «социолингвистический портрет», «языковой портрет», «коммуникативный портрет». Представители различных отечественных школ лингвоперсонологии вводят также новые термины, такие как «речевой паспорт» или «лингвоперсонема». В немецкоязычном научном дискурсе, напротив, большей частотностью употребления характеризуются четко разграниченные термины, характерные для конкретного исследовательского направления, например «*Sprachbiographie*» (языковая биография) или «*Spracherleben*» (языковое переживание). В то время как термин «*Sprachporträt*» (языковой портрет), обладающий наибольшим семантическим объемом и встречающийся в широких научных контекстах от типологии до социолингвистики, характеризуется наименьшим количеством употреблений из всех рассматриваемых терминов. Тем не менее понятийная система немецкоязычного научного дискурса отличается большей однородностью и внутренней согласованностью, а выявленные термины («*Sprachbiographie*» (языковая биография), «*Spracherleben*» (языковое переживание), «*Sprachporträt*» (языковой портрет), «*Sprachrepertoire*» (языковой репертуар), «*Sprachidentität*» (языковая идентичность)) обладают примерно идентичной частотностью употребления, что наглядно демонстрирует разницу в структуре современного терминологического аппарата отечественной и зарубежной лингвоперсонологии.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахренова Н.А., Милякова В.В. Языковая личность vs виртуальная языковая личность // Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 1(60). С. 10-20. doi:10.37724/RSU.2022.60.1.001
2. Богомолова А.В. Языковая личность vs дискурсивная личность: от общего к частному // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 3. С. 5-19. doi: 10.25205/1818-7935-2024-22-3-5-19
3. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. М., 1927.
4. Виноградов В.В. О художественной прозе. М.: Наука, 1930.
5. Голев Н.Д. Лингвоперсонология, антропотекст, типы языковой личности (лингвоперсономы) // Университетская филология – образованию: человек в мире коммуникаций: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. «Коммуникативистика в современном мире: человек в мире коммуникаций», Барнаул, 12-16 апреля 2005 г. Барнаул, 2005. С. 84-86.
6. Гришаева Л.И. Индивидуальное использование языка и когнитивно-дискурсивный инвариант «языковая личность» // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. №1. С. 16-22.
7. Гуляева Е.В. Лингвокультурный типаж «политик» в современном российском дискурсе // Политическая лингвистика. 2011. №3. С. 184-187.
8. Дмитриева О.А., Карасик В.И. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 5-25.
9. Карасик В.И. Лингвокультурный типаж // Язык. Текст. Дискурс. 2007. №5. С.86-89.
10. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Москва: Просвещение, 1987.
11. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. Москва, 1995.
12. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. Москва: Изд. РГГУ, 1995.
13. Матвеева Г.Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1993.
14. Напреенко Г.В. Программные возможности идентификации текстов: сопоставление на схожесть, установление тождества, проверка на уникальность // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. №3 (485). С. 55-65. doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-55-65
15. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: сб. научных трудов. Москва: Изд. МГЛУ, 1996. С. 112-116.
16. Постовалова В.И. О внутринаучной рефлексии в гуманитарном познании (Прологомены к металингвокультурологии) // Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты / И.В. Зыкова. Москва: Гнозис, 2017. С. 8-25.
17. Уланова Е.Э. Вербальная репрезентация языковой личности устного переводчика: синтаксический аспект // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. №2(113). С. 146-158. doi:10.23859/1994-0637-2023-2-113-12

18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 томах. Москва: АСТ, 2007.
19. Чудинов А.П., Никифорова М.В. Лингвополитическая персонология: методологические основы и методика анализа // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. №1. С. 22-29.
20. Bagirova G. Die sprachliche Persönlichkeit im künstlerischen Diskurs: Linguokultureller Aspekt. Verlag Unser Wissen, 2024.
21. Busch B. Das Sprachenportrait in der Mehrsprachigkeitsforschung // Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie. 2018. Vol. 93. S. 53-70.
22. König G. Autor, Publikationsberater, Sprachpersönlichkeits – Trainer [Электронный ресурс]. URL: <https://gerdkoenig.com> (дата обращения: 27.01.2025).
23. Kostomarov P.I. Anthropozentrismus und Sprachpersönlichkeit // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2014. № 3-4. S. 181-184.
24. Kreiswirth M. Trusting the tale: The narrativist turn in the human sciences // New Literary History. 1992. Vol. 23, No. 3. P. 629-657.
25. Krumm H.-J., Jenkins E.-M. Kinder und ihre Sprachen – lebendige Mehrsprachigkeit: Sprachenportraits gesammelt und kommentiert von Hans-Jürgen Krumm. Wien: Eviva, 2001.
26. Pavlenko A. Autobiographic Narratives as Data in Applied Linguistics // Applied Linguistics. 2007. 28(2). P. 163-188. doi: 10.1093/applin/amm008
27. Seel L. Das Sprachporträt als soziolinguistische Methode: Zur Sprachintegration multilingualer Migrant*innen aus Afrika im Rhein-Main-Gebiet // Arbeitspapiere des Instituts für Ethnologie und Afrikastudien. № 191. S.1-39. Mainz, 2020.
28. Zifonun G., Strauß G. Auf der Suche nach Identität // Ansichten der deutschen Sprache. Festschrift für Gerhard Stickel zum 65. Geburtstag. Tübingen: Narr, 2002. S. 165-213.

REFERENCES

1. Akhrenova, N.A., & Milyakova, V.V. (2022). Yazykovaia lichnost' vs virtual'naia iazykovaia lichnost' [Language personality vs virtual language personality]. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole [Foreign Languages in Tertiary Education]*, 1(60), 10-20 (in Russian). doi:10.37724/RSU.2022.60.1.001
2. Bagirova, G. (2024). *Die sprachliche Persönlichkeit im künstlerischen Diskurs: Linguokultureller Aspekt [The linguistic personality in the artistic discourse: linguocultural aspect]*. Berlin: Verlag Unser Wissen (in German).
3. Bogomolova, A.V. (2024). Yazykovaia lichnost' vs diskursivnaia lichnost': ot obshchego k chastnomu [Linguistic personality vs discursive personality: from the general to the specific]. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhekul'turnaia kommunikatsiia [Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural communication]*, 22(3), 5-19 (in Russian). doi:10.25205/1818-7935-2024-22-3-5-19
4. Busch, B. (2018). Das Sprachenportrait in der Mehrsprachigkeitsforschung [The language portrait in multilingualism research]. *Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie [Osnabrück papers on language theory]*, 93, 53-70 (in German).
5. Chudinov, A.P., & Nikiforova, M.V. (2017). Lingvopoliticheskaya personologiya: metodologicheskie osnovy i metodika analiza [Linguopolitical personology: methodological foundations and methods of analysis]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics]*, 1, 22-29 (in Russian).

6. Dmitrieva, O.A., & Karasik, V.I. (2005). Lingvokul'turnyi tipazh: k opredeleniiu poniatia [Linguistic and cultural type: towards the definition of the concept]. In V.I. Karasik (Ed.), *Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi* [Axiological linguistics: linguistic and cultural types] (pp. 5-25). Volgograd: Paradigma (in Russian).
7. Fasmer, M. (2007). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 tomakh* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Moscow: AST (in Russian).
8. Golev, N.D. (2005). Lingvopersonologiya, antropotekst, tipy yazykovoi lichnosti (lingvopersonomy) [Linguopersonology, anthropotext, types of linguistic personality (linguopersonemes)]. In *Universitetskaya filologiya – obrazovaniyu: chelovek v mire kommunikatsii: mat-ly mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Kommunikativistika v sovremennom mire: chelovek v mire kommunikatsii»* [University Philology for Education: A Human in the World of Communication: proceedings of the International scientific conference “Communication studies in the modern world: human in the world of communication”, Barnaul, Russia, April 12-16, 2005] (pp. 84-86). Barnaul (in Russian).
9. Grishaeva, L.I. (2006). Individual'noe ispol'zovanie yazyka i kognitivno-diskursivnyi invariant «yazykovaia lichnost'» [Cultural identity and discourse]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 1, 16-22 (in Russian).
10. Gulyaeva, E.V. (2011). Lingvokul'turnyi tipazh «politik» v sovremennom rossiiskom disкурсе [Linguo-cultural type “Russian politician”]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 3(37), 184-187 (in Russian).
11. Karasik, V.I. (2007). Lingvokul'turnyi tipazh [Linguistic and cultural type]. *Yazyk. Tekst. Diskurs* [Language. Text. Discourse], 5, 86-89 (in Russian).
12. Karaulov, Yu.N. (1987). *Russkii yazyk i yazykovaia lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow: Prosveshchenie [Education] (in Russian).
13. Kitaigorodskaya, M.V., & Rozanova, N.N. (1995). *Russkii rechevoi portret* [Russian speech portrait]. Moscow: Fonokhrestomatiia [Phonotextbook] (in Russian).
14. König, G. (n.d.). *Autor, Publikationsberater, Sprachpersönlichkeits – Trainer* [Author; publication consultant, language personality trainer]. Retrieved 2025, January 27, from <https://gerdkoenig.com> (in German).
15. Kostomarov, P.I. (2014). Anthropozentrismus und Sprachpersönlichkeit [Anthropocentrism and language personality]. *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*, 3-4, 181-184 (in German).
16. Kreiswirth, M. (1992). Trusting the tale: The narrativist turn in the human sciences. *New Literary History*, 23(3), 629-657.
17. Krumm, H.-J., & Jenkins, E.-M. (2001). *Kinder und ihre Sprachen – lebendige Mehrsprachigkeit: Sprachenportraits gesammelt und kommentiert von Hans-Jürgen Krumm* [Children and their languages - lively multilingualism: language portraits collected and commented by Hans-Jürgen Krumm]. Wien: Eviva (in German).
18. Kubriakova, E.S. (1995). Evoliutsiia lingvisticheskikh idei vo vtoroi polovine XX veka (opyt paradigmal'nogo analiza) [The evolution of linguistic ideas in the second half of the 20th century (the experience of paradigmatic analysis)]. In *Yazyk i nauka kontsa 20 veka* [Language and science of the late 20th century] (pp. 144-238). Moscow: RSUH Publisher (in Russian).
19. Matveeva, G.G. (1993). *Skrytye grammaticheskie znacheniiia i identifikatsiia sotsial'nogo litsa («portreta») govoriashchego* [Hidden grammatical meanings and identification of the speaker's social face («portrait»)] [PhD thesis, Saint-Petersburg] (in Russian).

20. Napreenko, G.V. (2024). Programmnye vozmozhnosti identifikatsii tekстов: sopostavlenie na skhozhest', ustanovlenie tozhdestva, proverka na unikal'nost' [Software capabilities for text identification: comparison for similarity, identity establishment, uniqueness check]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University]*, 3 (485), 55-65 (in Russian). doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-55-65
21. Neroznak, V.P. (1996). Lingvisticheskaya personologiya: k opredeleniiu statusa distsipliny [Linguistic Personology: towards determining the status of the discipline]. In *Yazyk. Poetika. Perevod [Language. Poetics. Translation]: collection of scientific articles*. Moscow: MSLU, 112-116 (in Russian).
22. Pavlenko, A. (2007). Autobiographic Narratives as Data in Applied Linguistics. *Applied Linguistics*, 28(2), 163-188. doi: 10.1093/applin/amm008
23. Postovalova, V.I. (2017). O vnutrinauchnoi refleksii v gumanitarnom poznanii (Prolegomeny k metalingvokul'turologii) [On intrascientific reflection in humanitarian cognition (Prolegomena to metalinguoculturology)]. In I.V. Zyкова, *Metayazyk lingvokul'turologii: konstanty i variant [The metalanguage of linguoculturology: constants and variants]* (pp. 8-25). Moscow: Gnozis (in Russian).
24. Seel, L. (2020). Das Sprachporträt als soziolinguistische Methode: Zur Sprachintegration multilingualer Migrant*innen aus Afrika im Rhein-Main-Gebiet [The language portrait as a sociolinguistic method: On the language integration of multilingual migrants from Africa in the Rhine-Main area]. *Arbeitspapiere des Instituts für Ethnologie und Afrikastudien [Papers of the Institute of Ethnology and African Studies]*, 191, 1-39 (in German).
25. Ulanova, E.E. (2023). Verbal'naya reprezentatsiya yazykovoi lichnosti ustnogo perevodchika: sintaksicheskii aspekt [Verbal representation of the interpreter's linguistic personality: syntactic aspect]. *Cherepovets State University Bulletin*, 2(113), 146-158 (in Russian). doi: 10.23859/1994-0637-2023-2-113-12
26. Vaisgerber, I.L. (1927). *Rodnoi yazyk i formirovanie dukha*. Moscow (in Russian).
27. Vinogradov, V.V. (1930). *O khudozhestvennoi proze*. Moscow: Nauka (in Russian).
28. Zifonun, G., & Strauß, G. (2002). Auf der Suche nach Identität [In search of identity]. In *Ansichten der deutschen Sprache. Festschrift für Gerhard Stickel zum 65. Geburtstag [Views of the German language. Publication for Gerhard Stickel for his 65th birthday]* (pp. 165-213). Tübingen: Narr (in German).

Информация об авторе:

Кузнецова Екатерина Дмитриевна – аспирант кафедры немецкого языка МГИМО МИД России (Москва, Россия). ORCID ID: 0009-0007-5619-5360.

Получено: 14 февраля 2025 г.

Принято к публикации: 7 мая 2025 г.

THE EVOLUTION OF KEY TERMS IN RUSSIAN AND GERMAN PERSONALITY RESEARCH TRADITION

Ekaterina D. Kuznetsova

MGIMO University

(Moscow, Russia)

rio14032014@gmail.com

Abstract: The evolving field of linguistic personality studies exhibits significant terminological variation, particularly between Russian and German academic discourse. This heterogeneity can impede clear communication, systematic development, and comparative research within the discipline. The article aims to explore the diachronic evolution of key terms in the conceptual framework of linguistic personality studies in these two academic traditions, identify fundamental terms, their variability, and emerging trends. The study determines the proportional distribution of the most frequently used terms, enabling a quantitative characterization of their relevance and demand in the academic community. A qualitative and quantitative content analysis was applied to the theoretical literature. This was followed by a statistical analysis to quantify and visualize results using graphs and diagrams. It is necessary for illustrating the formation, development, and transformation of the terminological corpus of personality-oriented linguistics. The qualitative content analysis identified key terms, while the quantitative approach measured their frequency of use. The analysis was conducted on 4900 academic publications (4505 Russian, 395 German), selected via controlled keyword searches. The significant difference in the number of research papers can be explained by the different proportions of publications in the field of Russian and German linguistic personality studies. The results highlight the heterogeneity of the terminological framework in linguistic personality studies, shaped by a diversity of research approaches, methodological paradigms, and researchers' inclination toward terminological innovation. Notably, distinct thematic focuses and varying degrees of interest in specific areas (e.g., bilingualism, language identity dynamics) were observed between Russian and German scholarship, contributing to different semantic interpretations and usage of key concepts. The conducted comparative analysis provides a deeper understanding of the current state of linguistic personality theory and may serve as a foundation for further improvement of classification criteria in the terminological system of the discipline.

Keywords: linguistic personality studies, terminology, linguistic identity, linguistic personality, speech portrait, comparative analysis.

How to cite this article: Kuznetsova, E.D. (2025). The Evolution of Key Terms in Russian and German Personality Research Tradition. *Professional Discourse & Communication*, 7(2), 33–50 (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2025-7-2-33-50>

About the Author:

Ekaterina D. Kuznetsova is a PhD student in the Department of German Language at MGIMO University (Moscow, Russia). Her research focuses on linguistics, with a particular interest in linguistic personality studies and discourse analysis. ORCID ID: 0009-0007-5619-5360.

Received: February 14, 2025.

Accepted: May 7, 2025.